

Культура. — 1995. — 25 июня — 1 июля (№ 25). — С. 9.

Ожидание конца может затянуться

Шлейф “магаданского” грузина
остается у художника и в Тбилиси

Мастерская

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Кто-то из великих итальянских мастеров утверждал, что мастерская художника должна быть такого объема, который он способен согреть своим теплом. Художник Михаил Яшвили соотносит это выражение с размером картины, с той площадью, которую он может “освоить” в одно дыхание.

Об объеме мастерской, а мастерская — это его дом, нет речи. Ибо согреть строение со старинной кладкой двухметровых стен немисливо: когда нет отопления, газа и электричества — никакой души, даже художника, не хватит. Приглашая пройти, а дело было зимой, он спросил, где я предпочитаю разговаривать — где теплее или где светлее. Опрометчиво соглашаюсь на где светлее.

Вдоль стен на полу стоят насквозь продорванные картины. Холст на некоторых покоребился и вздулся — наверное, от возмущения. Особенно пузырилась шайка Воланда, оккупировавшая трамвай “А” — бедную “Аннушку”, которая летела во мраке уже под именем “Азазелло”. В отличие от разбушевавшихся холстов, простуженный хозяин нисколько не возмущался: тбилисский быт приучил не заикливаться на наших “милых пустычках”. Картины, которые висели на стенах, кажется, тоже привыкли, как и старинные фотографии предков. А предки были знатные: прадед, князь Джбраил, был известен как владелец аптек, но еще больше как эпикуреец — двухметровый красавец с редким даром красноречия. В числе шести детей был старший — Михаил, дед моего собеседника, и Паоло — почитаемый в Грузии поэт, 100-летие со дня рождения которого широко отмечается в этом году.

На дореволюционном снимке строгие, но безоблачные лица. Никто из них не догадывается о судьбе, которую уготовил им 37-й год. Всех из этого рода так или иначе коснулись репрессии. О трагической судьбе Паоло не перестают говорить и по сей день. Предчувствуя арест, поэт покончил с собой прямо в Союзе писателей: застрелился из собственного охотничьего ружья. Так он пытался отвести от близких клеймо семьи врага народа. Михаила не тронули: врач по профессии, он был неподрожимый тамада, заслуживший похвалу Сталина. На одном из праздничных приемов в Кремле Сталин предложил Паоло вести застолье. Поэт отказался, указав на старшего брата. Михаил взял бразды правления в свои руки, и веселье, говорят, продолжалось три дня.

Но благодарность сильных мира сего — вещь непредсказуемая. Не тронув Михаила, в 40-м арестовали его сына Нодара,

студента мединститута. Взяли прямо с лекции. На допросах иголками под ногти вдавливали, что он пошел по стопам своего дяди. 10 лет тюрьмы, потом вечное поселение в Сибири. Там он познакомился со своей будущей женой, и в 1954 г. у них родился сын, которого в память о деде назвали Михаилом.

Шлейф “магаданского” грузина остается у художника и в Тбилиси.

“Когда от Союза художников надо было ехать куда-нибудь на Сахалин или в Мурманск, посылали меня: “Пусть сибиряк едет”. Но Магадан особенно будоражил зарубежных журналистов — думали, приехал репрессированный подпольный художник из Грузии. Очень разочаровывались, когда узнавали, что я не диссидент, что у меня были десятки выставок, в том числе много персональных. Тогда впадали в другую крайность: “Значит, КГБ-эшник”. Нормы их никак не устраивала — нужна была сенсация. Вообще не представляю, как уживаются на Западе наши художники. По-моему, оценить их по-настоящему никто там не может. Кому нужны уникальные дарования, если эталоном в живописи считается воспроизведение следов улитки? Нет, я точно не смог бы там жить”.

Созвучна этим мыслям картина, навеянная парижскими впечатлениями.

На холсте только витрины с их неперемными шоперами и голыми попами, где все напоказ: рыба, и та встала во весь рост и распушила плавники — смотрите.

Внизу, где полагается быть тротуару, дорожка из тиражированных фото членистоногих.

Но если у художника нет пиетета перед Западом, то нет его и по отношению к положению на родине: “Мне кажется, мы не так живем и не то делаем. Всех захлестнула волна “сиюминутности”. Нами утрачено что-то самое главное — мы забы-

ли, зачем были созданы. И теперь судорожно мечемся, и все не туда...”

Да, работы Яшвили последнего периода оптимистичными не назовешь. Он все больше уходит от конкретики, которую хорошо чувствует и осязает, — недаром учился в академии на курсе художников кино и ТВ. Отсюда его тяга к фактурности предметов. В ранних работах со смаком выписаны изгибы перьев на шляпах, тугое кружево скатерти, вы ощущаете упругость цветов и шероховатость дерева. Но “роман” с кино и ТВ, к счастью, не случился. И миновал также период, когда глаз хищно хватает все вокруг и тут же норовит пригвоздить к холсту. Глаз зрелости силится найти ответ собственной сути или некой высшей идеи.

Его сегодняшние работы не спутаешь ни с чьими. Выявилась вторая сторона сознания, обращенного внутрь себя, замкнутого на себе, но одновременно являющего собой вселенную. Микромир души, заключающий в себе макромир космоса. Это не только живопись, это философия духа. Здесь можно лишь угадывать, чувствуя, но не осязая. Это как голос во тьме. Но вы безошибочно идете сквозь линии и пятна, ибо главный ориентир дан. Все остальное — вы сами. Импровизируя, вы считаете себя внутри этого мира. Эта магия догадок пугает и завораживает. Магия — в цвете, он же и магнит. А линии — нить Ариадны.

В четких росчерках линии (в серии “Импровизации на тему “Линии и пятна”) видятся профили и глаза, клювы и хвосты, монстры и чудовища, и все это замыкается в нечто единое — не разомкнуть: мимолетность ощущений и реальность судьбы. В них и зарождение мира, и его вырождение. Картины в основном без названий. Это действительно импровизации. И если изредка работа конкретизирована, к ней хочется приглядеться.

М. Яшвили

“Равнодушие” — две застывшие толстоклювые птицы, как два молчаливых утеса. Здесь же выбившиеся из сил сородичи, им уже не вскарбаться — вздернутый вверх острый клюв, как нестерпимый крик, и рядом молчаливый, бессильно лежащий клюв и еще живой глаз. Модель всеобщей разобщенности, где даже фон не может быть единым, здесь серо-голубая половина спорит с розовато-морковным цветом, злоущим и ядовитым.

Полотна будто подернуты паутиной времени. У Яшвили нет гладких цветowych пятен, эти пастельные, неправдоподобно мягкие тона — в трещинах. Но трещины не рисованные — настоящие. Однако это уже секреты техники. А техника здесь уникальная — как бы “акварель в масле” (мокрый холст, акварельные краски, схваченные лаком). Можно бесконечно наблюдать эти переходы и переливы тонов, линий, сюжетов. Я почти вижу, как лак пресекает растекание краски, и она уже навсегда недвижна, заиндевела. А вместе с тем я вдруг понимаю, что эта недвижность инея переселилась в меня, но по вполне банальной причине — оледенение произошло.

Напоследок Миша успевает показать карандашный эскиз на длинной ленте ватмана. Он задумал монументальную фреску на цоколе купола в будущем клубе художников “Пиромани”. На фреске он хочет воссоздать историю развития человечества через историю искусств. Начинается все с пещерных знаков, символов и загадочно-примитивных строений. А дальше все идет по порядку: египетские пирамиды и живопись, античные храмы и скульптуры, эпоха Возрождения, потом новое искусство и, наконец, современное, идущее к знакам и символам. Итак, круг замкнулся. Очередной виток спирали завершен. И что, все сначала? Как знать. Одно точно — начинать новый виток будем уже не мы.

В этом “обнадеживающем” сюжете я вижу только одно несоответствие, которое и выясняю с автором.

— Миша, а не странно, что конец света, с такой наглядностью показанный вами, задуман для будущего клуба? В данном контексте понятие “будущий” кажется не совсем уместным. Зачем вообще что-то открывать? Представляете, эти мытарства по инстанциям... Ради чего, если всеобщий финал так очевиден и близок?

— Я боюсь, что ожидание конца может затянуться. Вот тут и понадобится клуб, чтобы в хорошей компании сократить оставшееся время.

ТБИЛИСИ

Импровизация на тему “Линии и пятна”